

ТАМАРА Т. РАЙС

СКИФЫ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ
МАТЕРИАЛЫ

СТРОИТЕЛИ

СТЕПНЫХ ПИРАМИД

БЫТ ДРЕВНИХ СКИФОВ

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ

НАРОД, СОЗДАВШИИ
СВОЕОБРАЗНЫЙ
СТИЛЬ ЖИЗНИ,
ЧЕРТЫ КОТОРОГО
ПРОСЛЕЖИВАЮТСЯ
В КУЛЬТУРАХ
РАЗНЫХ НАРОДОВ
ЕВРОПЫ

НАИБОЛЕЕ ТОЧНАЯ ХРОНОЛОГИЯ
ВАЖНЕЙШИХ ФАЗ РАЗВИТИЯ ПЛЕМЕН
СКИФСКОГО ГОСУДАРСТВА

Тамара Т. Райс
Скифы. Строители степных пирамид

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=608015
Скифы. Строители степных пирамид: Центрполиграф; М.; 2009
ISBN 978-5-9524-5046-2

Аннотация

На основе археологических и исторических материалов, обобщенных в книге, реконструирована культура, религиозные представления, быт древних скифов. Приведена наиболее точная хронология важнейших фаз развития племенных групп, входивших в состав скифского государства. Показана яркая панорама жизни свободолюбивых скифских племен, чей духовный опыт повлиял на искусство России, Германии и Скандинавии.

Содержание

Введение	4
Глава 1	13
Глава 2	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Тамара Т. Райс

Скифы. Строители степных пирамид

Введение

Счастливые стечения обстоятельств, как любил называть это Конрад, удача или даже рок, как предпочитают думать другие, во многом определяют судьбы народов и индивидуумов, распределяя превратности жизни либо благоденствия в равной степени и на отдельные личности, и на смешанные группы людей. Одним из самых печальных превратностей судьбы является, несомненно, предание мертвых забвению. Возможно, именно подсознательное чувство предстоящей опасности быть забытым после смерти заставляет праздного зеваку повернуть к старому церковному кладбищу, остановиться у разрушившейся могильной плиты и поразмышлять о том, вглядываясь в стершуюся и неразборчивую надпись, что за человек был похоронен под этой таинственной плитой, как он жил. Это чувство заставляет его сожалеть, что все следы этого когда-то полного жизни человека – даже запись его имени и продолжительности жизни – уже навсегда исчезли из памяти человечества.

Собирателей древностей часто посещают в какой-то степени похожие мысли, особенно тех из них, кого влечет к наименее документально подтвержденным страницам древней истории. К самым скудным из них, но и самым увлекательным, относятся страницы истории, связанные со скифскими кочевниками, которые в последнем тысячелетии дохристианской эры скитались по обширной, полумесяцем изогнутой степи, простирающейся от границ Китая до берегов Дуная. В далекие доисторические времена многочисленные племена сменяли друг друга на этой бескрайней равнине. В северо-восточной ее части многие народы часто проявляли тенденцию – которая с каждым веком становилась все более явной – к миграции из исходной точки на запад или юго-запад. Несомненно, стимулом к этому служило существование естественных географических преград на других направлениях, которые мешали им вырваться за их пределы. Следы их передвижений время от времени можно кое-где найти благодаря предметам, которые они оставляли после себя, но их история практически потеряна для нас, хотя исследователи доисторических времен и могут иногда собрать кое-какие туманные факты тех древних, давным-давно забытых времен, о которых не осталось никаких письменных источников. Немного больше сведений имеется о европейской части степных просторов в последнем тысячелетии дохристианской эры. Тогда на этой территории на смену последним жителям бронзового века пришли племена, с которыми они ассимилировались и происхождение которых остается невыясненным. Однако они, сплотившись вокруг племени царских скифов, обитавших в южной части России, тем не менее оставили нам на память многочисленные вещественные доказательства своего существования. За исключением их керамики все принадлежавшие им вещи, дошедшие до нас, в том числе и самые утилитарные предметы, привлекают к себе внимание и мастерством, с которым они созданы, и исключительно оригинальным стилем изображения животных, которыми украшено подавляющее большинство изделий. Их фигурки обнажают интерес к животному миру и умение выражать неотъемлемые черты этого мира с такой прямоотой, убежденностью и великолепием, каких еще не было обнаружено в искусстве кочевых племен. Действительно, фигурки животных, которые скифы создали для собственного развлечения, полны такой жизненной силы и очарования, что они со временем стали оказывать влияние на искусство Западной Европы, привнося в него свой собственный неповторимый отпечаток.

Очень жаль, что скифы не имели алфавита и не чеканили монеты, так как, хотя поразительное разнообразие предметов, найденных в их захоронениях, свидетельствует о неожиданно сложном образе их жизни и о почти универсальных способностях к дизайну, наши знания о них должны в значительной степени опираться на второстепенные источники. Первоначальная информация о них ограничена выводами, которые можно сделать при раскопках их могил, а за основными историческими фактами нам приходится обращаться к немногочисленным случайным упоминаниям о них в письменных исторических документах их более цивилизованных современников, будь то китайцы, ассирийцы, иудеи или греки, а также к более подробным, пусть и беспорядочным, сообщениям, составленным греческими историками античности.

Многие древнегреческие ученые ошибочно считали скифов самым древним народом в мире. Делая свои записи в I в. до н. э., Трог Помпей¹ подтвердил, что таковым их всегда считали все, кроме египтян, которые в течение долгого времени оспаривали это утверждение. В этом случае египтяне были на самом деле правы, так как опровержением ошибочного мнения о происхождении скифов служит тот факт, что они не создали признанное государственное образование ранее VIII в. до н. э. Поэтому они и не могли соперничать с египтянами в древности происхождения. Тем не менее скифы были в свое время важной политической силой, и хотя сейчас их история занимает всего лишь несколько строк в наших наиболее полных справочниках, они продолжают оставаться удивительно живыми для нас, став источником некоторых из наших любимых легенд. Так, согласно этим легендам, страна Одиссея, Страна восходящего солнца, загробный мир якобы находятся в Скифии, на восточном побережье Черного моря, на полуострове, который сейчас называется Таманским. Там же Ясон и его аргонавты искали золотое руно, а Одиссей нашел свои дальнейшие приключения. Именно там Ифигения служила Диане; отсюда Магог, охваченный яростью, отправился сеять опустошение среди иудеев.

В добавление к этим легендам много необычных преданий о почти сказочном богатстве скифов смешались с правдоподобными фактами, собранными греческими историками. В результате получилась такая запутанная картина, что до конца XIX в. многие ученые были склонны даже не принимать в расчет многое из того, что написал о скифах Геродот. Затем постепенно высокая истинная ценность предметов, которые регулярно появлялись из скифских курганов на юге России, заставили археологов снова обратиться к этим ранним историческим источникам. К их удивлению, они обнаружили много такого, что, перемешанное с нелепицами, оказалось бесценным для восстановления целостной картины жизни скифов. Современные раскопки неизменно продолжают приносить все новые доказательства в поддержку некоторых из этих древних утверждений. А внимательное прочтение старинных текстов в сочетании с результатами, полученными в ходе полевых изыскательских работ, выявило столько нового об обычаях степных кочевников в эпоху скифов, что появилась неожиданная возможность воссоздать их образ жизни и дать до некоторой степени точную оценку их вкладу в искусство Западной Европы в Средние века.

Собственно скифы в действительности образовывали главный клан большой группы кочевников, которую не представляется возможным четко разделить на племена, опираясь на упоминания о них древних писателей. К VII в. до н. э. они прочно обосновались в южной части современной России, а схожие с ними племена, возможно, даже родственные кланы, хотя и политически совершенно обособленные и независимые, также сгруппировались на Алтае. Некоторые из них, возможно, даже проникли в район Енисея. Происхождение этих азиатских племен не может в настоящее время быть установлено достаточно определенно, но некоторые из них внесли такой большой вклад в искусство скифов, что все они заслу-

---

¹ Трог Помпей – римский историк I в. до н. э. (Здесь и далее примеч. пер.)

живают того, чтобы, по крайней мере в области искусства и культуры, их считали единым целым. Хотя встречающиеся различия часто являются достаточно заметными, чтобы служить основанием для дифференциации. Поэтому в этой книге термин «скифы» будет обозначать именно скифские племена, которые жили на Кубани, в Крыму, вдоль крупных рек южной части России и несколько позже проникли в Румынию, Болгарию, Венгрию и Пруссию. Термин «родственные скифам племена» будет относиться к кочевникам Алтая, особенно к тем из них, чьи захоронения были раскопаны в Пазырыке и на близлежащих местах стоянок древнего человека в этом же районе. Преимущество такого определения состоит в том, что оно не противоречит определению древних. Таким образом, в соответствии с употреблением этого слова в конце XIX в., термин «скифы» сохранился за племенами, которые господствовали на территории, простирающейся от Карпат до Дона. Страбон² фактически выделил район Добруджи в «Малую Скифию», в то время как все степные районы, лежащие к северу и северо-востоку от Черного моря, он определил как «Восточную Скифию».

На всей этой территории, которая нас интересует, скифы и родственные скифам племена были в основном кочевниками, но их пастушеская жизнь зависела в определенной степени и от земледельческих общин. И совсем не представляется невероятным то, что по крайней мере к V в. до н. э. какая-то часть каждого племени жила в постоянных или полупостоянных поселениях, которые служили базой для кочевой части племени. Оказалось, что у кочевников европейской и азиатской частей равнины выработался очень схожий режим жизни и развились схожие занятия. И в результате этого не наблюдается сильно выраженных различий во вкусах и интересах, в одежде и вооружении этих двух групп. Ввиду дальности этих времен невозможно определить, насколько сходство было следствием существования неких расовых связей между этими группами, насколько оно зависело от схожести окружающей среды и образа жизни. Искусство и тех и других, хоть и похожее в своей основе, тем не менее имеет свои отличительные черты благодаря некоторым местным особенностям, отчасти являющимся следствием того географического положения, которое занимала азиатская и европейская части равнины. Евразийская степь, простирающаяся от восточных стран до Центральной Европы, настолько огромна, что неизбежно народы, живущие на той или иной ее окраине, должны были больше сблизиться со своими непосредственными соседями, даже если они оказывались чужаками, нежели со своими сородичами, но живущими далеко. Таким образом, на Востоке в первую очередь Китай часто оказывал на культуру кочевников этого региона заметное влияние; в центральных районах были более очевидны персидские элементы, а на Западе – греческие. И все же, несмотря на эти чужеродные веяния, культура кочевников главенствовала на всем протяжении этого огромного пространства, проявляясь в более грубой форме на Алтае и с большей утонченностью – у царских скифов на юге Руси. И это влияние не происходило исключительно в одном направлении, так как самобытная культура жителей степи, в свою очередь, чувствовалась, пусть и в меньшей степени, и в культуре Востока, и в культуре Запада.

Скифы образовывали хорошо организованные общины, с дисциплинированной готовностью подчинявшиеся своим вождям. Но это был необузданный народ, получавший удовольствие от войны, грабежей и снятия скальпов со своих врагов. Не раз их отвага в бою вызвала настоящую озабоченность гораздо более могущественных царств: Ассирии, Мидии, Парфии и Трессии. В VII в. до н. э. скифов боялись по всей Малой Азии, но в то же самое время их богатство и страсть к пышным украшениям снискали им благосклонность крупных греческих купцов, обосновавшихся на берегах Черного моря, а также греческих мастеров и ремесленников, поселившихся в Боспорском царстве, особенно в Пантикапее. Даже на таком раннем этапе своей истории скифы уже проявляли чрезвычайную способ-

---

² Страбон (64 г. до н. э. – 23 г. н. э.) – древнегреческий географ и историк.

ность к пониманию и усвоению всего самого лучшего в современном им искусстве независимо от его происхождения и не замедлили обратиться за высококачественными изделиями к искуснейшим греческим мастерам, которые работали в понтийских городах, возникших на их южных границах в VII в. до н. э. Греки же со своей стороны не отказывались работать для богатых кочевников, от которых они зависели в получении многих основных продуктов питания. Купля-продажа, вероятно, носила бартерный характер, и начиная с VI в. до н. э. греки этого региона изготавливали изделия, которые, совершенно очевидно, были сделаны для скифской знати. Были найдены предметы, украшенные сценами из жизни кочевников, которые могли представлять интерес только для вождей племен, обитавших в глубинных районах степи; они, вероятно, были созданы по специальному заказу. Мы можем заметить, что то же самое происходит на юго-востоке, в Сакизе, где, как пишет Гиршман, среди сокровищ, принадлежавших скифскому царю Партатуа или его сыну Мадю, были найдены великолепные образцы ассирийско-скифского ювелирного искусства.

Действительно, скифы так же активно участвовали в торговле, как и в войне, и представляли собой настолько важный элемент жизни своей эпохи, что Геродот счел необходимым посвятить им целую книгу в написанной им великой «Истории». Для получения всей возможной информации он лично отправился в утомительное путешествие в Ольвию, греческое дальнее поселение, которое было основано в 645 г. до н. э. у места слияния Буга и Днестра. Чтобы существовать, Ольвия должна была пользоваться защитой скифов и зависела от торговли со скифскими племенами. За первое она платила своего рода дань. Геродот обнаружил, что Ольвия – приятный и процветающий город, и посвятил свое пребывание там благой цели: он выучил название племени и узнал об индивидуальных особенностях одного из вождей. Все это он занес в Четвертую книгу своей «Истории». Однако он был осторожен, проводя различие между фактами, в подлинности которых он убедился сам, и сообщениями, полученными им от других, которые он не имел возможности проверить. Но все же, несмотря на его отчет, отсутствие письменных источников в среде самих скифов стало сильным союзником забвения, и память о скифах быстро потускнела с их уходом с политической арены. К IV в. н. э. цивилизованный мир того времени совершенно позабыл о них, и должно было пройти пятнадцать столетий, прежде чем их искусство было открыто заново. Именно благодаря этому искусству им суждено было вновь занять свое место в памяти людей.

Даты	Основные исторические события	Встречные течения Азиатский регион
700		
600		
500		
400	Гунны изгоняют готов с юга России	
300		
200	Готы господствуют на юге России	
100		
до н.э.	Сарматы господствуют на юге России	
н.э.		
100	Царство со столицей в Неаполе Скифском	
200		
300	На Дону появляются сарматы; китайская кавалерия перенимает у кочевников стиль одежды	С Китаем устанавливаются двусторонние контакты. Алтай соприкасается с Древним Востоком и Грецией через Персию
400		
500	Страна царских скифов	
600		
700	Сакисское царство	
800	Император Суань приводит азиатские племена в движение	
900		
1000	Конные кочевники появляются в азиатских степях и на Венгерской равнине	В Сибири сказывается влияние культуры Чу
1100	Обработка железа в районе Минусинска	
1200	Возведение курганов над захоронениями в Сибири	
1700	Индоевропейцы достигают берегов Енисея	

в районе обитания скифов Южнорусский регион	Западная Европа	Даты		
Все следы скифов исчезают Возрождается скифский стиль посредством использования новых многоцветных декоративных элементов	Скифо-сарматский стиль нашел свое отражение в искусстве эпохи переселения народов в Центральной Европе и Галлии. Он также влияет на искусство викингов в Скандинавии, воздействуя таким образом на искусство средневековой Ирландии и Англии Спасаящиеся бегством готы распространяют скифо-сарматский стиль по всей Центральной и Южной Европе	700		
		600		
		500		
		400		
		300		
		200		
		100		
		до н.э.		
		В искусстве появляется склонность к натурализму Царские скифы прочно обосновались в европейской части России. Греческое влияние доминирует в искусстве	Скифы основывают свои поселения на Балканах Передовые отряды скифов достигают восточной Германии, Венгрии и Болгарии и устанавливают контакты с некоторыми племенами гальштатской культуры	н.э.
				100
200				
300				
400				
500				
600				
700				
800				
900				
1000				
1100				
1200				
1700				

Рис. 1. Хронологическая таблица истории скифов

Первый шаг к восстановлению памяти о скифах был сделан в начале XVII в., когда организованные шайки разорителей могил начали массовые грабежи могильных курганов в Сибири. Сообщения об их опустошении достигли Петра I. Хотя царь и был озабочен делами на западе, чтобы иметь возможность финансировать организованные раскопки на восточных территориях, он отдал четкие распоряжения: шайки разогнать, виновников наказать, а награбленные ими предметы отослать к нему в Санкт-Петербург. В положенное время великолепная коллекция золотых поясных пряжек и пластин прибыла в столицу. Некоторые из них были украшены драгоценными камнями или эмалью; на большинстве из них, имевших форму горизонтально лежащей буквы «В», были изображены чрезвычайно любопытные фигурки животных. Коллекционеры и ценители искусства столицы были сильно озадачены стилем исполнения этих пряжек. Они были помещены в личную царскую сокровищницу и много лет спустя стали экспонатами Эрмитажа в Петербурге, где по-прежнему составляют уникальную коллекцию выдающегося значения.

В течение XVIII в. случайные находки в Сибири и на юге России, представлявшие собой изделия, украшенные похожими изображениями животных, способствовали поддержанию умеренного интереса к искусству такого рода, которое постепенно стало ассоцииро-

ваться с кочевниками евразийской степи. Эта точка зрения подтвердилась в 1763 г., когда генерал Мельгунов, назначенный на военную должность в южном регионе России, открыл великолепные могильные курганы, которые сейчас носят его имя. Его открытия произвели сенсацию, но даже при этом следующий реальный шаг вперед российская археология сделала не ранее чем в начале XIX в., когда были предприняты научные экспедиции в Сибирь такими первопроходцами, как Кларк, Паллас, Дюбуа де Монперё, Сумароков, и десятками других. Все эти путешественники отмечали многочисленность древних захоронений, которые, по крайней мере для археологов, разнообразили кажущийся безграничным сибирский ландшафт, но ни у кого из них не было возможности приступить к раскопкам в этом районе. Тем не менее в 1806 г. в Николаеве был основан музей; пятью годами позже другой музей открылся в Феодосии; в 1825 г. еще один появился в Одессе, а на следующий год самый крупный музей разместился в Керчи. Эти учреждения послужили стимулом для собирателей древностей, и за удивительно короткое время двое жителей Керчи, Дубрукс и Стемповский, хотя они не были профессионалами, при помощи двух директоров Керченского музея, Бларемберга и Ашила, а также местного представителя Министерства по делам окраин Карейши провели раскопки на месте стоянки древнего человека недалеко от Керчи. Вслед за этим подобные работы были проведены на Кубани и в других местах, расположенных вблизи южных оконечностей крупных рек, которые пересекают европейскую часть равнины. Вскоре стало достаточно ясно, что в курганах находятся не только захоронения людей и лошадей, но также и изумительные изделия мастеров по металлу, которые должны были иметь отношение к скифам. Точно так же стало очевидно, что эти люди развили особое анималистическое искусство, полное жизни и исполненное динамики, которая была определена законами природы и все же бросала им вызов; они изображали и реальных, и воображаемых существ, населявших их полные причудливых картин и суеверий умы. В захоронениях были найдены многочисленные предметы из бронзы и железа, а также много изделий из золота. Последние возбудили особое внимание, так как вскоре стало очевидным, что украшения на этих изделиях имели в какой-то степени отношение к тем пряжкам из Сибири, которые Петр Великий спас от уничтожения более века тому назад.

Следующий важный шаг в археологических изысканиях, связанных со скифами, произошёл в 1860 г., когда В.В. Радлов отправился исследовать Сибирь, дополняя на этот раз поверхностный осмотр курганов раскопками. В 1865 г. его изыскания привели его в Катанду, местечко на юге Алтая, где было так много могильных курганов, что он решил вскрыть некоторые из самых крупных. Его интерес возбудила необычная конструкция этих курганов. Вместо того чтобы иметь земляное покрытие, как это было обычно для курганов на территории южной России, они были покрыты слоем больших камней. Радлов вел работу в одном из самых больших курганов совсем недолгое время, когда его люди наткнулись на пласт льда. Это было тем более удивительно, так как они находились в районе, не относящемся к зоне вечной мерзлоты. Даже не подозревая о существовании такого явления, Радлов наткнулся на первый из замерзших могильных холмов, которые в настоящее время являются особенностью именно этого региона Алтая.

Образование льда в этих курганах – случайное, происшедшее благодаря слою камней, которые их покрывают. Осенние дожди проникают сквозь этот слой и просачиваются в землю, находящуюся под ним; во время сильных холодов в зимние месяцы года влага замерзает, и даже летом этот лед, который часто доходит до глубины 21 фута, не тает благодаря изоляции, роль которой играют камни, лежащие сверху. В результате многие тела и предметы, захороненные под слоем льда, сохранились как в современной морозильной камере.

Радлов, естественно, понятия не имел о таком положении дел, а так как время проведения сезонных работ его поджимало, он приступил к растапливанию льда так быстро, насколько это было возможно. Когда воды, которые веками находились в замерзшем состоя-

нии, были высвобождены, пораженный археолог получил возможность рассмотреть мертвецов, на которых хорошо сохранилось кое-что из одежды, а их предметы домашнего обихода лежали практически нетронутыми. Но почти сразу же, как только вода проникла в камеру-усыпальницу, некоторые наиболее хрупкие вещи распались. Хотя часть находок и была потеряна, Радлову в основном удалось спасти содержимое захоронения. Его находки включали в себя предметы одежды и мебели, которые привлекут к себе большее внимание спустя приблизительно восемьдесят лет со времени своего обнаружения. По мере того как множилось число раскопок, извлекая на свет божий все больше образцов анималистического искусства, стало очевидным, что на просторах всей евразийской степи когда-то существовала жизнь, корни которой уходят в далекое прошлое, и что в эпоху скифов все ее части были связаны между собой тесными регулярными контактами. Однако обнаружение золотых и металлических предметов, сделанных, несомненно, скифскими мастерами, на Балканах и в Западной Европе добавило новые непредвиденные трудности к задаче отследить и охарактеризовать эти контакты. Еще позже обнаружение элементов скифского стиля в искусстве викингов, кельтов и франков эпохи Меровингов³, окружило его изучение еще большими сложностями, но эти трудности только вдохновили ученых. Многие археологи различных национальностей проявили намерение собрать по кусочкам все имеющиеся данные и попытаться установить источник и ареал распространения этого великолепного искусства кочевников, проследить пути его проникновения из одного региона в другой и определить его связи и влияние на другие школы искусства.

Среди тех, кто первым приступил к работе, были Толстой и Кондаков, два выдающихся русских собирателя древностей. Они начали с систематизации, описания и попыток определить возраст всех скифских предметов, имеющихся к этому времени в России. Затем Ростовцев в России, Минне и Дальтон в Англии, Рейнах во Франции, Тальгрэн в Финляндии и, кроме того, многие другие известные ученые изучали эти находки, сравнивали свои собственные выводы с утверждениями древних, особенно Геродота и Гиппократов, и достигли соглашения в отношении основных фактов истории скифов. Романтика этой работы прочно овладела ими. И действительно, никто, у кого были средства на то, чтобы вскрыть скифское захоронение, не мог оставаться глухим к притягательности этой задачи. Стоять в прозрачном воздухе летнего дня, когда взгляд свободно блуждает по бесконечной равнине, простирающейся впереди, неизменной и не изменившейся с тех самых времен, когда первый всадник проскакал на своем коне по ее необъятным просторам, стоять вот так, пока могила открывается, чтобы обнажить голые кости еще одного такого бродяги и кости его коня, усыпанные золотыми украшениями и охраняемые хитроумными ловушками, было незабываемым ощущением. Оно наполняло очевидца решимостью в свою очередь попытаться исследовать тайны искусства, которое одновременно было и удивительно абстрактным, и все же в основе своей натуралистическим и конкретным.

Ростовцев и Минне нашли между собой ответ на многие загадочные вопросы, а в отношении других – выступили с ценными предположениями, но очень многие вопросы еще ожидают ответов. Некоторые русские и венгерские ученые выдвинули интересную идею о том, что скифы, возможно, были народом с Алтая. Эта теория не была в целом принята – она на самом деле идет вразрез с выводами большинства ученых, – и тем не менее результаты раскопок в Пазырыке на Алтае в некоторой степени подтверждают ее. Полевые исследования под руководством С.И. Руденко имеют отношение к родственным племенам, а не только к собственно скифам. И тем не менее, сходство между большей частью находок, сделанных в Пазырыке, и теми, что были сделаны на юге России, так велико, что зачастую имеет смысл применять выводы, к которым привели раскопки в Пазырыке, к проблемам, имеющим отно-

---

³ Эпоха Меровингов – ок. 476–750 гг. н. э.

шение к скифам, особенно после того, как курганы Пазырыка предоставили доказательства, которых до той поры не хватало некоторым отрывкам в трудах Геродота в отношении скифов. Захоронения Пазырыка также показывают нам связь с теми захоронениями, которые Радлов исследовал в Катанде более восьмидесяти лет назад.

Хотя результаты, достигнутые Радловым в Катанде, едва ли были замечены в течение века, зачарованного такими выдающимися открытиями, как золотые сокровища Пергама, Трои и Микен, и хотя они остались незамеченными археологами и в более позднее время, возможно, Руденко помнил о них, когда в 1924 г. предпринял антропологическую экспедицию в Сибирь. Когда случай привел его в тот самый район Алтая, который, по утверждению российских геологов, является единственным, где наблюдается феномен замерзших могил, он немедленно оценил возможности находившихся здесь различных стоянок древнего человека. На него сразу же произвели впечатление захоронения, которые в большом количестве находятся вблизи русла реки Урсул и ее притоков. Одна долина показалась ему особенно многообещающей. Это была долина реки Пазырык, расположенная на южных склонах Чульшманской горной цепи в горах Алтая. Вблизи этого места Руденко нашел ценное кладбище – около сорока курганов. Они имели разную форму и размеры: некоторые были круглыми, другие – овальными, но все они сверху были засыпаны большими камнями, которые играют такую решающую роль в образовании защитного слоя льда над погребальной камерой. Пять курганов имели исключительно большие размеры, а девять, более маленьких, были очень похожи на них по форме и по своему устройству. В 1929 г. Руденко и его помощник Грязнов сумели обследовать первый из крупных могильных холмов. Его содержимое оказалось почти сенсацией, и все же в конце первого сезона работ раскопки пришлось прекратить. Они были возобновлены в 1947 г. и продолжались еще в течение двух лет.

К тому времени раскопки выявили историю народа, который был не только наделен поразительно острым декоративным чутьем и безошибочным умением выражать его в разнообразных материалах, но также достиг относительно высокой ступени развития культуры, включая жизнь если не в хижинах, то в искусно сделанных шатрах, использование колесных повозок, умение ездить верхом на коне, изготовление прекрасных тканей и, если судить по сосудам, владение кулинарными навыками. Их искусство и образ жизни были заново открыты для нас отчасти благодаря счастливой случайности, которая укрыла их захоронения защитным слоем льда, а также благодаря способностям и мастерству, с которыми Руденко и его помощники преодолели трудности раскопок во льду. Руденко удалось сохранить и перевезти свои находки, не повредив их, с Алтая в Эрмитаж. Более того, его эрудиция и основательные научные знания дали ему возможность извлечь максимум информации из каждого найденного кусочка, который мог иметь отношение к народу Пазырыка. Хотя найденные в Пазырыке предметы и не представляют собой такой ценности, как материалы из могильников царских скифов на юге России, и с художественной точки зрения они не так радуют, как большинство чисто скифских изделий, открытых в европейской части России или Венгрии, но они тем не менее проливают значительно больший свет на прошлое, чем другие находки. В результате исследования Руденко проложили путь к более полному пониманию искусства, жизни и истории народов евразийской степи.

Глава 1

ПРОИСХОЖДЕНИЕ СКИФОВ

Обширная равнина, которую племена скифов и родственных им кочевников занимали в течение почти всего 1-го тысячелетия, простирается от Подола на западной границе европейской части России до границ Китая. Она образует единое, географически целое природное пастбище, но в Азии в нее вторгаются горные цепи Памира, Тянь-Шаня и Алтая, в то время как Уральские горы практически отсекают азиатскую ее часть от европейской. И все же контактам по всему этому огромному пространству никогда не могли помешать чисто географические преграды, так как азиатскую и европейскую части равнины связывают коридоры, образованные двумя перевалами – Джунгарским и Ферганским. В доисторические времена трава покрывала практически всю центрально-азиатскую часть равнины, но происшедшие здесь определенные климатические изменения незадолго до начала исторической эры привели к тому, что большие районы пастбищ превратились в бесплодные, покрытые песком пустыни, непригодные для проживания. Но эти песчаные пространства остались открытыми для путешествий, такое превращение не смогло помешать передвижениям жителей степи или положить конец межплеменным контактам, которые уже сложились. Таким образом, взаимоотношения между племенами традиционно сохранялись с самых древних времен до совсем недавних.

В древности границы региона, который мы рассматриваем, определялись скорее географическими объектами, нежели политическими демаркационными линиями. Если двигаться с востока на запад, то ими были горные цепи Нань-Шань и Тянь-Шань и река Оке (Амударья). Далее шло Иранское плоскогорье, которое, возможно, являлось больше межплеменной границей, но за ним снова следовали естественные границы в виде Кавказских гор, Черного моря, Карпат и Дуная. Вдоль северного края степи располагались негостеприимные, полные опасностей земли, покрытые гибельными болотами, обширными лесами и дикой тундрой, где жили свирепые финно-угорские племена, но самих природных опасностей этого края было достаточно, чтобы служить мощным сдерживающим средством от проникновения скифов.

Тогда, как и теперь, азиатская часть степи подвергалась сильным холодам в зимние месяцы и испепеляющему зною летом, вследствие чего растительность этого региона всегда была не такая пышная и меньше подходила для примитивных методов ведения сельского хозяйства, чем на юге России. И хотя кедры обильно произрастали на холмах в Азии, сосны, лиственницы и березы росли и там, и в европейской части, однолетние и двулетние растения были, однако, практически неизвестны в азиатской части степи, в то время как на юге России степь покрывалась весной цветочным ковром. В Азии растительность по большей части состояла из представителей семейства злаковых, таких, как овсяница, луговой овес, трищетинник. Там также росли степные кустарники – карагана, спирея, курильский чай, алтайская сибирка. Обычными для этого региона были артемисия, крестовник, дикий тимьян, аконит (борец), различные виды анемонов, тубероза. Весной часто радовали глаз ирисы и гвоздики. Южные районы России были покрыты более густыми лесами, так что дубы, липы, ясени и акации простирали свою сень над большей частью равнины, плодовые деревья приносили желанный урожай, великолепная трава служила для откорма скота, а съедобные коренья и луковицы поставляли человеку пищу.

Весь этот регион был потрясюще богат животным миром. В Азии по степи бродили лоси, медведи, волки, леопарды, бизоны и дикие лошади. В европейской части были распространены дикие кабаны, ослы, козлы, выдры и бобры. Суслики, маленькие создания

из семейства тушканчиков, зайцы, норки и горностаи обитали в подлеске; в траве таились гадюки и другие змеи, а над ними жужжали пчелы, которых ценили за их мед. Из птиц водились орлы, фазаны, франколины и многие другие виды. Все эти животные и птицы появляются на изделиях скифов. Зачастую они сильно стилизованы, хотя все равно четко узнаваемы со всеми своими великолепно сохраненными характерными чертами; или же они видоизменены так, что представляют собой мифические создания, настолько причудливые, что первоначальный вид животного совершенно преобразуется.

Вообще европейская половина степи обладала более пышной растительностью, более мягким климатом и была более плодородной, чем азиатская. Ее пересекали великие реки: Волга, Дон со своим притоком Донцом, Днепр, Буг и, наконец, Днестр. Все они обеспечивали огромные уловы рыбы и ценные залежи соли. Их воды обогащали почву долин, но не служили чрезмерной помехой для передвижения.

Таким образом, кочевники имели возможность свободно перемещаться по всему региону, пася скот или преследуя дичь, которой изобиловала степь, не преодолевая никаких серьезных географических преград и не сталкиваясь ни с какими пугающими изменениями в климате или растительном мире. Точно так же как характер азиатской части степи претерпел трансформацию в ранние доисторические времена из-за изменений климата, температура в европейской ее части тоже изменилась с античных времен. Таким образом, на юге России проявилась тенденция к установлению более теплого и сухого климата, чем он был, тогда как греки – жители Боспорского царства – имели обыкновение жаловаться на холод и сырость на северном побережье Черного моря. В те времена Каспийское море было, без сомнения, значительно больше, чем во времена христианства. Есть большая вероятность того, что раньше оно вдавалось в сушу южнее Красноводска, образуя большой залив, – Элсворт Хантингтон отождествляет его со Скифским заливом, о котором упоминал Диодор Сицилийский приблизительно в 60 г. до н. э. В те дни река Оке, вероятно, впадала в этот залив, так как торговый путь с запада на восток следовал ее руслу. Когда Каспийское море уменьшилось в размерах, река, вероятно, изменила направление своего течения, повернув в сторону Аральского моря. Затем, после уменьшения Каспийского моря, часть земель, вероятно, использовалась людьми для проживания, но по мере их высыхания запасы продовольствия, видимо, уменьшались, пока не пришлось сократить поголовье стад, и число проживавших там кочевников вынужденно сократилось.

Хороший строительный камень был редкостью в западной части степи, хотя в древние времена в одном-двух местах в Крыму и разрабатывались вышедшие на поверхность скальные породы, а в Керчи также добывали известняк. Приблизительно с VIII в. до н. э. из района среднего течения Днепра получали немного железа, большое его количество доставлялось с Кавказа, и греки даже думали, что там его и производили. Медь также добывалась в огромных количествах в Закавказье, что послужило толчком к возникновению среди греков мифов об аргонавтах, но золото поступало частично с северо-востока Урала и, главным образом, с богатых алтайских месторождений. Принимая во внимание расстояния, вызывает некоторое удивление тот факт, что скифы западной части степи, казалось, имели в своем распоряжении неограниченные запасы золота. Их запасы могли пополняться только при помощи их сородичей, живших на востоке, и, действительно, не было ничего легче, чем наладить торговлю золотом между двумя зонами. Должно быть, она в действительности существовала с давних времен. Нет никаких свидетельств, которые показали бы нам, каким образом скифы платили за это золото. Царские скифы, возможно, расплачивались металлическими монетами, которые они стали делать с греческих образцов, но родственные им племена могли использовать в качестве валюты плоские наконечники стрел в противоположность трехгранным наконечникам. Этот вопрос остается без ответа.

Любопытно также и то, что, хотя в окрестностях Киева и был найден янтарь в небольших количествах, его привозили с Адриатики и широко использовали на Кубани. Раковины были редкостью во всех регионах, и тем не менее в некоторых могилах были найдены раковины-каури, которые, вероятно, были завезены с Индийского океана.

В эпоху неолита, в то время как жители Западной Азии были еще охотниками, их современники на берегах Окса были рыбаками, которые соприкоснулись с землепашцами Мерва и научились производить для себя красную и черную керамическую посуду, а также, может быть, кое-какие ткани. Почти в то же самое время в Европе обитатели деревянных и плетеных жилищ на Украине украшали свою посуду геометрическими узорами, и спустя совсем немного времени среди керамики Триполья обнаружилось фигурки быков, козлов, собак, оленей и людей. В Сибири последующие поколения раскрашивали свои керамические изделия красными или белыми полосками, что придавало им сходство с керамикой Сузы или Сиалка. Они держали крупных домашних животных и клали своих мертвых с подогнутыми ногами в прямоугольные могилы, покрытые каменной плитой. По утверждению Киселева, между 3000-м и 1700 г. до н. э. первые землепашцы стали обрабатывать землю Сибири, придя с запада и заселив более плодородные земли. Парадоксально то, что в то же самое время пастухи-кочевники впервые появились на Украине. Это были светловолосые люди с удлиненной формой головы, вполне вероятно, фракийцы; они имели боевые топоры принятой в Европе формы; они одомашнили лошадь; перед захоронением они обмазывали своих мертвых охрой, отчего даже их кости приобретали красноватый оттенок. Это был период массового переселения народов и племен с запада на восток и с востока на запад. Вероятно, была какая-то широко распространенная причина для таких миграций; возможно, это была одна из великих засух, которым периодически подвергалась большая часть Восточной Европы и Западной Азии. Этому начальному этапу миграционного процесса было суждено достичь своей наивысшей точки тысячу лет спустя с появлением в Южной Европе двух отдельных культур: скифской на юге России и этрусской в Италии. И хотя они были совершенно отделенными друг от друга, обособленными цивилизациями, они не были полностью чуждыми друг другу.

Пока же, что касается скифов, исходной точкой их истории может, наверное, считаться приблизительно 1700 г. до н. э., когда первые индоевропейские племена достигли Енисея. Возможно, эти переселенцы откололись от индоевропейской группы племен, которые проникли в Грецию и Малую Азию на три века раньше. От Енисея они продвинулись к западу от Алтая до Кавказа, где, как считает Киселев, они развили у себя смешанный тип хозяйства, когда часть племени осела в плодородных долинах и стала земледельцами, в то время как остальные скитались по равнине как пастухи-кочевники и охотники. Поселенцы к тому времени овладели искусством литья иковки меди, и некоторые их отливки были найдены в земле, причем литейные формы, которые они использовали для изготовления своих серпов, лежали поблизости. Они изготавливали коричневатую керамику, на которой царапали геометрические узоры, и использовали бронзовые орудия для рубки деревьев. Поначалу они хоронили своих мертвых в неглубоких могилах, отмеченных кругом из камней, но к 1200 г. до н. э. они начали возводить большие курганы. Киселев полагает, что различие в размерах курганов, насыпанных один возле другого на одном кладбище, зависело от богатства племени. Но так как под непохожими друг на друга могильными холмами находятся могилы, которые, видимо, принадлежали людям одного племени или рода, возникает искушение приписать различие в размерах курганов появлению классового общества, в котором состоятельные семьи, облеченные властью, могли ожидать, что к ним будут относиться с особым уважением после смерти, так же как и при жизни.

Почти в то же самое время племена на северо-востоке Сибири начали применять железо, а в районе Минусинска, расположенного в бассейне Енисея, появилась новая мон-

голоидная раса, представители которой имели на вооружении ножи с загнутыми внутрь лезвиями, напоминающими ножи времен династии Чу в Китае. Наличие ножей такой формы служит отличительным признаком проникновения китайского влияния в регион, который до той поры подвергался влиянию главным образом веяний из Западной Азии или Восточной Европы. Эти люди либо кремировали своих мертвых и хоронили их прах под каменной плитой, либо – иногда – они клали в могилу тело в скорченном положении. При них не найдено ни одного конского скелета, и поэтому можно предположить, что, как и сами китайцы, эти люди, которые были одними из первых, кто принес ориентализм⁴ на запад, к тому времени еще не научились ездить на лошадях. Однако в этот период конные кочевники, в том числе скифы и мейсмирцы с Алтая, были известны в других частях азиатской степи. Наиболее выдающиеся из них были похоронены вместе со своими лошадьми. И хотя в Европе к 1000 г. до н. э. уже появились наездники в Венгрии, возможно принадлежавшие к племени фракийцев, не знавшие верховой езды киммерийцы продолжали контролировать южную часть России.

Из всех племен, знакомых с верховой ездой, которые связаны с Центральной Азией и Восточной Европой, скифы в конечном счете оказались самыми важными и для своего времени, и в Средние века, когда чувствовалось их влияние в искусстве Северной и Западной Европы. И все же спустя столько времени невозможно точно определить, к какой расе принадлежали скифы. Этот вопрос вызывал много разногласий. Одни авторитеты утверждали, что они были гуннами, другие – что они были турками или монголами. Однако в основном большинство ученых согласны: они принадлежали к индоевропейской группе народов, возможно, к иранской ветви или, как предполагает Геса Наджи и некоторые другие, к угро-алтайской. Единственным бесспорным фактом является то, что племена на всей территории равнины говорили на одном языке, как и многие современные кочевники в Азии говорят сейчас на тюркском диалекте турецкого языка. Язык кочевников был в своей основе иранским диалектом, но, возможно, он был ближе к авестскому, чем к древнеперсидскому языку.

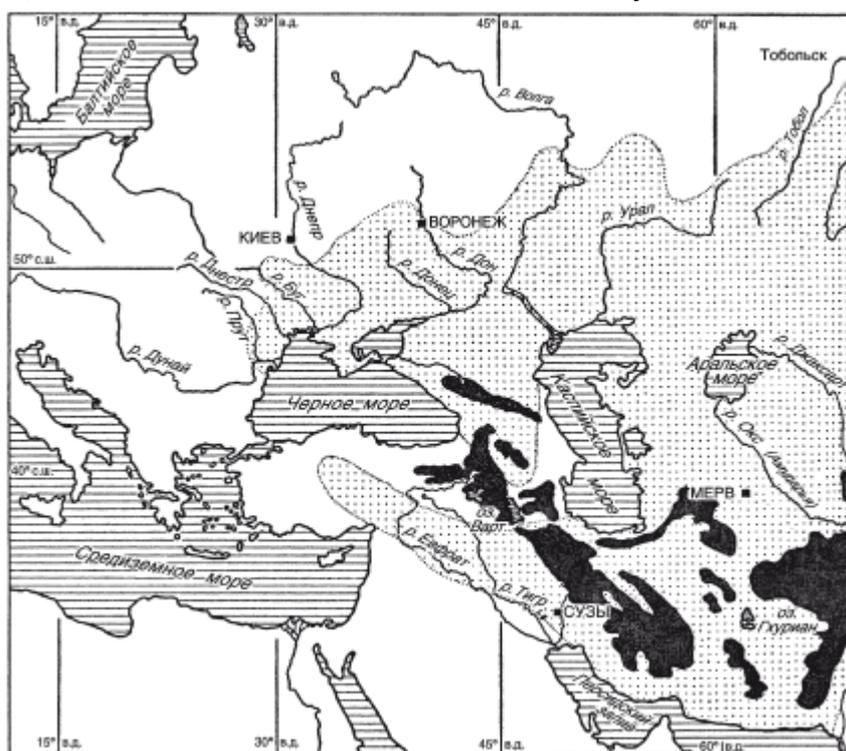
Имеется очень мало антропологического материала, который может помочь пролить свет на эту проблему, но то, что есть, похоже, говорит в пользу индоевропейской версии, а это, в свою очередь, не исключает влияния Алтая. Изучение мужских черепов и мумифицированных голов, найденных в Пазырыке, подтверждает эту точку зрения, несмотря на то что вождь, похороненный в кургане № 2, и женщина из другого захоронения были оба монголоидного типа. К этому же типу принадлежал и старик, погребенный в несколько схожей могиле в Шибе на Алтае, которую раскопал Грязнов в 1927 г. На самом деле нет ничего удивительного в случайном присутствии людей с монголоидными чертами среди племен, населяющих восточную часть азиатской степи, так как, вероятно, происходили смешанные браки между ними и местными жителями. Точно так же царские скифы временами заключали браки с греками или фракийцами из соседних западных регионов. Союз слабых и сильных племен, заключенный посредством брака, часто был единственным способом обеспечить безопасность более малочисленного клана. Так, царь Ариапейтс с юга России взял в жены гречанку из Истра, а также скифскую женщину и дочь фракийского вождя Тереса.

Древние греки называли скифами, саками или кахами без разбора всех кочевников евразийской степи, не разделяя тех, которые обитали на землях недалеко от Китая, и тех, которые жили ближе к Карпатам. Не позднее II в. н. э. Птолемей назвал Синерию в Центральной Азии Скифией. Геродот, который, как показало время, был прав во многом из того, что он писал о скифах, полагал, что все они пришли из Азии и в какой-то исторический момент азиатские скифы откололись от тех, которые жили в Эвксении. В России ученые используют термин «скиф» в самом узком смысле слова, применяя его только в отношении

---

⁴ Ориентализм – культура, нравы, обычаи жителей Востока.

сравнительно небольшого числа племен, обитавших по берегам Азовского и Черного морей, а также по берегам Кубани и Днепра. Но так как все конные кочевники скифской эры говорили на одном и том же иранском наречии независимо от того, прибыли ли они с берегов Днестра или с берегов Окса, похоже, есть причина полагать, что по крайней мере большинство из них были связаны между собой узлами одной расы. На мысль об их определенном сходстве нас наводит характер их искусства, которое демонстрирует свои почти идентичные черты на территории всего этого достаточно обширного района. Присутствие «сибирских» элементов в западном искусстве оказывает поддержку точке зрения тех ученых, которые полагают, что скифы были родом из Западной Сибири, или, как дают понять Минне и Геса Наджи, именно с Алтая. Окончательное подтверждение этого мнения будет, однако, зависеть от того, предоставят ли последующие раскопки на Алтае более ранний материал о скифах, нежели находки, сделанные на юге России. Пока этого не случилось.

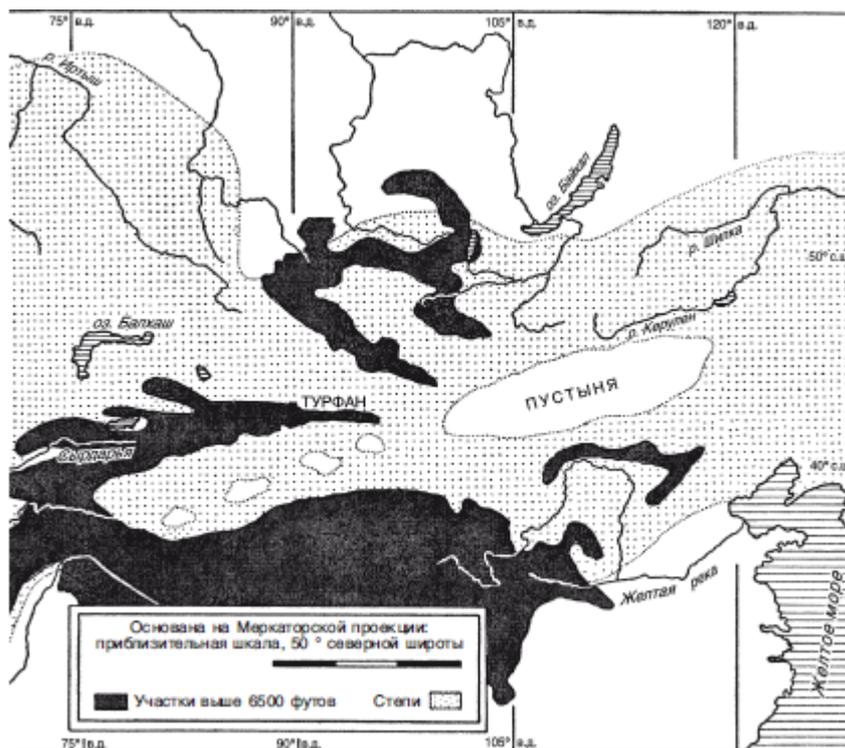

Рис. 2. Физическая карта районов находившихся под влиянием скифов

Таким образом, существует такое же несходство мнений относительно первоначального региона обитания скифов, какое есть и по вопросу их расового происхождения. И тем не менее, если принять версию об алтайском или западносибирском происхождении, которая кажется более приемлемой с этнической точки зрения, то это объясняет последующие миграции племен из этого региона. Более того, у этой точки зрения есть дополнительное преимущество, ибо она не противоречит утверждениям, встречающимся в древнеперсидских документах. Согласно этим источникам – а многие из них современны тем событиям, которые они описывают, – скифы появились внезапно, продвигаясь через Кавказские горы с северо-запада. Это утверждение разделяли греческие, иудейские и армянские авторы; оно представляет собой обоснованное мнение античного мира. К тому же оно совпадает с ходом определенных событий в истории Китая, подлинность которых установлена. О них повествуют летописи времен династии Чу. В них рассказывается о диком племени хиунг-ну, предшественниках, как полагают, самих гуннов, впоследствии опустошивших большую часть Европы, которые уже тогда тревожили мирных земледельцев западных приграничных земель Китая. К IX в. до н. э. они стали наносить такой существенный ущерб, что император Суань (827–781 гг. до н. э.) был вынужден предпринять против них военные действия. Его карательной экспедиции удалось отбросить племя хиунг-ну далеко на запад от границ Китая. Будучи исключительно оборонительной мерой, этой акции было суждено иметь неожиданно широкие последствия для территорий, расположенных на расстоянии многих сотен миль к западу от поля боя, так как отступающие неизбежно вытесняли своих западных соседей с их традиционных мест стоянок. Те в свою очередь столкнулись с другими племенами, которые в подходящее время внезапно напали на племя, обитавшее к западу от них, так что вскоре вся степь пришла в движение: каждое племя нападало на своего западного соседа, пытаясь овладеть новыми пастбищами. Важно еще отметить, что все это смятение совпадает с периодом тяжелой засухи, которую Элсворт Хантингтон приписывает приблизительно 800 г. до н. э., и она вполне могла послужить дополнительным фактором для передвижения народов в западном направлении.

Во всяком случае, массагеты, населявшие земли к северу от реки Оке, в конечном счете тоже оказались вовлеченными в борьбу за пастбища, и они в свою очередь напали на скифов, а те – на восточных киммерийцев. Между двумя последними произошло сражение, в котором конные скифы оказались сильнее пеших киммерийцев. Киммерийцы были отброшены к Дарьяльскому перевалу и были вынуждены отступить по нему. Он привел их в царства Ван и Урарту, которые были соперниками и врагами Ассирии. Скифы со своей стороны продолжали наступать. Один их отряд переправился либо через реку Джаксарт, либо через Волгу, появившись, таким образом, в южных регионах России, где скифы нашли и разбили главные силы киммерийцев. Другой отряд скифов, повернув в сторону от Дарьяльского перевала, направился к Дербентскому ущелью, прошел по нему и появился на берегу озера Урмия. Ассирийские документы датируют их появление там во время правления царя Саргона (722–705 гг. до н. э.). В это время первая группа скифов упрочилась в южной части России. Поэтому можно считать, что этот период является заключительным этапом в перемещении на запад азиатских племен, которых привели в движение карательные меры, принятые императором Суанем против народа хиунг-ну. До сих пор в Армении обрушившиеся стены некоторых древних крепостей хранят в себе трехгранные наконечники скифских стрел, вмурованные в строительный раствор, как свидетельство жестоких сражений.

Дальнейшее продвижение скифов в Азию следует рассматривать как чисто военные предприятия, так как скифы могли бы поселиться на берегах озера Урмия, если бы захотели. Однако, воодушевленные успехом, они продолжали неуклонно оттеснять киммерийцев назад в Азию и через тридцать лет подошли к границам Ассирии. В то время скифы вступили в союз с царем Эсархадонем против мидийцев, но при помощи предателей-киммерийцев они сами собрали все силы против своего первоначального врага и стали теснить основные войска киммерийцев назад через всю Малую Азию, пока к 615 г. до н. э. они не сломили своего противника. Бегущие киммерийцы отступали через территорию Фригии, которая принадлежала царю Мидасу. Ее они совершенно разрушили, затем опустошили Лидию и разграбили греческие прибрежные города. После этого они исчезли из поля зрения.

Тем временем в районе, приблизительно соответствующем современному Азербайджану, пало царство Урарту. Скифы под предводительством своего царя Партатуа и его сына Мадия прочно утвердились в северной Персии, оккупировав царство Урарту, и, разместив свою столицу в Сакизе, взяли под контроль другие территории, расположенные к западу до Халиса. В то время их могущество казалось огромным, и в 626 г. до н. э. благодаря их помощи ассирийцы смогли разгромить мидийцев, осаждавших Ниневию. Опьяненные успехом, скифы пронеслись через Сирию и Иудею, пока не достигли Филистии в Египте (611 г. до н. э.), где царь Псаметек откупился от них, чтобы остановить их дальнейшее продвижение. Но тем временем мидийцы вступили в союз с вавилонянами. Соединившись, их армии выступили против ассирийцев, и на этот раз их объединенным силам удалось уничтожить эту когда-то могучую империю. Затем мидийцы быстро взяли власть в свои руки, поставив перед собой первоочередную задачу – изгнать скифов из своей земли, – и не остановились, пока постепенно не оттеснили кочевников назад через всю Азию до того места, откуда те когда-то начали свое вторжение в Персию. Ценой за милосердие было их мудрое требование, чтобы какая-то часть кочевников осталась в провинции Луристан на поселении для организации и обучения отрядов конников для индийской армии.

В течение двадцати восьми лет скифы правили значительной частью Западной Азии. Теперь они вернулись в Урарту. Возможно, именно в этот период некоторые из них снова повернули на восток, чтобы занять полосу степи между Каспийским и Аральским морями, смешавшись там со своими родичами дахаями и образовав этническую группу, из которой триста лет спустя произошли парфяне. Другие скифы, возможно, дошли до самой Индии, чем и объясняется скифская примесь в скифо-дравидийцах, в то время как еще одна часть

скифов осталась в Армении. Однако большинство из них направились в западные степи, где они обнаружили своих сородичей прочно обосновавшимися и благоденствующими на плодородных землях южной России.

В следующем веке западным скифам выпало быть вовлеченными в большую войну. Военные действия возглавил не какой-нибудь полководец, а сам могущественный Дарий. Он вознамерился завоевать и совершенно уничтожить Третию, и в качестве первого шага на этом пути он выступил в поход, чтобы отрезать ее от жизненно важных ресурсов: перекрыть ей поставки древесины с Балкан и зерна из Скифии. Поставив перед собой такую цель, в 513-м или 516 г. до н. э. он начал войну в Европе, переправившись через Босфорский пролив по мосту, который специально для него построил искусный греческий инженер Мандрокл из Самоса. Затем через Фракию он подошел к Дунаю. Его он также преодолел по мосту из лодок, которые перегородили реку чуть ниже современного Талатца. Дарий оставил отряд ионийцев охранять мост в течение шестидесяти дней в ожидании своего возвращения. В случае невозможности выполнить приказ они должны были отступить по нему, уничтожив его за собой. Дарий же продолжил искать скифов. Но при первом же сигнале тревоги кочевники поняли, что в одиночку они не могут противостоять Дарию в открытом бою. Они обратились к соседним племенам за помощью, пытаясь убедить их вступить с ними в союз, аргументируя это тем, что Дарий может уничтожить их всех поодиночке, но ему будет трудно завоевать их, если они объединятся. Но северян не тронули такие уговоры, они предпочли надеяться на получение отсрочки, чем ввязываться в сражение с таким опытным полководцем. Поэтому, вынужденные полагаться на свои собственные силы, скифы приняли решение искать спасения в политике выжженной земли. Согласно обычаю они разделили свою армию на три части, каждой из которых командовал один из царских скифов: Идантирс, Скопас и Таксас. Они договорились, что, кого бы из них троих ни начал преследовать Дарий, будут отступать в глубь страны, разрушая колодцы и не оставляя противнику ни продовольствия, ни фуража.

Дарий перешел в наступление, переправившись через Дон и направившись к Волге. Скифы постоянно отступали перед ним. Предельный срок в шестьдесят дней, который Дарий установил для ионийцев, охраняющих мост через Дунай, быстро истек, его люди устали от безрезультатного преследования, животным стало не хватать фуража – и все же скифы продолжали отступать все дальше на восток. Их нежелание принять бой приводило Дария в ярость. Он решил положить этому конец и бросил такой вызов Идантирсу: «Ты, странный человек, – прокричал его посланец, – почему ты продолжаешь убегать от меня, когда есть две вещи, которые ты мог бы с легкостью сделать? Если ты считаешь, что способен противостоять моему войску, то перестань уклоняться и выходи: давай сразимся. А если ты понимаешь, что я сильнее, – в этом случае тоже тебе следует прекратить свое бегство, – тогда тебе не остается ничего, кроме как принести своему господину землю и воду и немедленно выйти ко мне навстречу». Но царь скифов ответил гордо: «Такие у меня привычки, перс. Я никогда никого не боюсь и не бегаю от него. Я не поступал так раньше, и я не бегу от тебя сейчас. В том, что я делаю, нет ничего нового или необычного; я только следую своему образу жизни, обычному для мирных лет. А теперь я скажу тебе, почему я сразу не вступил с тобой в бой. У нас, скифов, нет ни городов, ни возделанных земель, страх потерять которые мог бы заставить нас скорее сразиться с тобой. Если же вдруг возникнет у тебя необходимость схватиться с нами, смотри: здесь могилы наших отцов, разыщи их и попробуй разрушить их – тогда ты увидишь, будем ли мы драться с тобой. Пока ты этого не сделаешь, будь уверен, что мы не вступим в бой, если не захотим. Это мой ответ на твой вызов».

Расстроенный, понимая, что дальнейшее преследование бесполезно, Дарий решил повернуть назад. Скифы доставляли беспокойство его отступающей армии, но персу удалось довести свои войска до моста и переправиться через Дунай в безопасное место. Экспедиция

закончилась. Дарий избежал катастрофы, но больше никогда он не осмеливался прийти в Северную Европу.

Разъяренные скифы остались алкать мести. Теперь их возглавил Аристагор. Собрав свои силы, он двинулся к городу Абидосу и обратился к спарганскому царю Клеомену I с просьбой выступить против персов из Эфеса, в то время как он сам наступал на них из Фасиса. Но Дарию удалось сжечь Абидос, и Клеомен отказался втягиваться в военные действия. Аристагору пришлось волей-неволей оставить этот свой план. После разорения Фракии в 495 г. до н. э. он двинулся на Херсонес, вынудив деспота Мильтиада бежать, а затем отошел на свои земли, где его люди вернулись к своим мирным занятиям и мелким стычкам с другими племенами.

В следующем веке царские скифы узнали о новом племени, сарматах, которые появились на восточных границах их территории и начали вторгаться в их земли. Племя сарматов имело со скифами очень схожее происхождение. И те и другие говорили на одном и том же языке и вели почти одинаковый образ жизни, но сарматские женщины ездили верхом, охотились и воевали вместе со своими сородичами-мужчинами, в то время как скифские женщины вели очень уединенную жизнь и не принимали никакого участия в мужских делах. Действительно, ни одна сарматская девушка не могла выйти замуж, пока не убьет в бою врага. Может быть, именно из-за этого скифы называли этих девушек «повелительницами мужчин». А как только они убьют одного врага, их отдавали замуж, и они с той поры должны были полностью посвятить себя домашним обязанностям.

Хотя греки ассоциировали свои рассказы об амазонках со скифами, значительно более вероятным кажется, что они в действительности относились к сарматам. В этой связи значительный интерес представляет случайная находка, сделанная группой сельскохозяйственных рабочих в 1928 г., которые в 8 милях от Тифлиса, в местечке Земо-Авчала, обнаружили могилу женщины-воительницы. Эта женщина была похоронена в скрюченном положении, а ее оружие лежало рядом с ней. Ни одной скифской могилы, сопоставимой с этой, еще не было найдено в России, и Никорадзе, который опубликовал данные по этому захоронению, почти наверняка прав, датируя его III в. до н. э. Хотя он и не отнес его ни к какому конкретному племени, более чем вероятно, что в этой необычной могиле лежит сарматка-амазонка. Вполне возможно, что она погибла, сражаясь со скифами.

К 346 г. до н. э. агрессивные устремления сарматов привели их на правый берег Дона, и, возможно, именно желание обрести более безопасные земли вынудило скифского царя Аэрта повести своих людей через Дунай и аннексировать территорию Добруджи, которую классические авторы стали называть «Малой Скифией». К 339 г. до н. э. скифы продвинулись до рубежа, находившегося немного западнее современного Балчика, тем самым навлекая на себя гнев Филиппа II Македонского. Опасаясь их дальнейшего просачивания в глубь его владений, Филипп дал им бой в местечке недалеко от Дуная. Ему удалось убить Аэрта, которому в тот момент было более девяноста лет. Скифам пришлось согласиться на мирные условия, но они, вероятно, не полностью придерживались их, так как через три года Александр Македонский в свою очередь почувствовал необходимость послать против них карательную экспедицию. Сам он отправился к главному театру военных действий в Азии, а своего наместника во Фракии Цепириона послал разобраться со скифами, но этот неудачник оказался неподходящим для выполнения задачи. Его войска были разбиты наголову, сам он был убит в бою, а скифы, прежде чем вернуться на свои земли на юге России, установили на Балканах аванпосты, платившие им дань. Они бы предпочли остаться и продолжить борьбу с македонцами и даже обратились к Ольвии за помощью, но получили отказ. Осознавая свою слабость, они решили, что хватит уже воевать.

Тем не менее вскоре скифы вновь собрались под боевые знамена. Их царь Скилур приблизительно в ПО г. до н. э. основал свою столицу в Неаполе Скифском и стал чеканить

монету в Ольвии. Несмотря на серьезную угрозу, которую представляли в то время сарматы, он не мог удержаться и напал на Херсонес, хотя это была столица Понтийского царства Митридата Евпатора. Митридату, которому было суждено оставаться владыкой всей Малой Азии до 95 г. до н. э., не составило труда отразить нападение скифов, но прежде чем были достигнуты какие-либо окончательные результаты в боевых действиях, он обнаружил, что уже слишком глубоко увяз в своем соперничестве с Римом, и стал искать со скифами союза. Чтобы умилостивить Скилура, он отослал ему двух своих дочерей в жены, но еще до того, как несчастные девушки достигли пункта своего назначения, они были захвачены римлянами. А помощь, которую оказывали впоследствии скифы Митридату, была непостоянной и незначительной. На самом деле они и не могли в тот момент сделать больше, так как сарматы, как и сами скифы семью веками ранее, беспрестанно продвигались на запад через евразийскую степь. Так же как и до них скифам, сарматским воинам суждено было достичь полного успеха в своем предприятии по причине их нового вооружения. Потому что если скифы совершали свои завоевания благодаря тем преимуществам, которые им давало умение ездить верхом, то сарматам это удалось благодаря изобретенным ими металлическим стременам, что, в свою очередь, способствовало появлению в их армии подразделений тяжелой кавалерии. Скифам нанесла поражение более современная армия. Их остатки владели жалкое существование до II в. н. э., когда большая их часть была сметена следующей волной, принесшей готов – народ, который двинулся через Южную Европу. Другие группы скифов, без сомнения, так хорошо ассимилировались с местным населением, что оставили после себя всего лишь небольшие следы, представляющие собой странную смесь неистовства и величия, которые были характерны для их жизни.

В пору своего процветания скифы большую часть своих богатств получали благодаря торговле, прежде всего с Грецией, так как в те давние времена Эллада была уже не в состоянии прокормить население своей материковой территории, не ввозя товары первой необходимости издалека. Скифия была одной из греческих житниц, и зерно, выращенное на юге России оседлыми жителями, отправлялось владыками кочевников греческим колонистам Понтийского царства, которые в свою очередь выступали в роли посредников в перепродаже его в Грецию. С другой стороны, скифы, жившие на Кубани, торговали напрямую с владельцами судов, приходивших в их порты из Ионии. Помимо этого, скифы доставляли понтийским грекам ценные грузы с солью, осетрами и тунцом, а также мед, мясо и молоко, кожи и меха и, что немаловажно, рабов. Последние, хоть греки и называли их скифами, были скорее поверженными врагами или местными земледельцами, нежели свободными кочевниками. В обмен на эти товары скифы получали греческие ювелирные изделия, изделия из металла и посуду высшего качества.

Похоже, что в Европе каждая из основных групп скифов имела свой период расцвета. Кубанская группа одна из первых получила возможность потакать своей любви к роскоши и богатству в полной мере. Ее захоронения, самые лучшие из которых датируются началом VII – концом VI в. до н. э., содержат великолепные предметы из золота – многие из них являются образцами высочайшего мастерства, – а число коней, убитых в ознаменование смерти одного вождя, в этом регионе часто доходило до сотен голов. Хотя скифы этого региона жили по патриархальным законам, избирая себе вождя, как, без сомнения, было принято в Пазырыке, многие могилы настолько богаты, что, вполне вероятно, значительное число более состоятельных семей было почти так же богато, как и их вожди.

Политическая структура южной группы была несколько иной. Там скифы считали себя потомками родоначальника Таргитая, сына Бога Небес, и полуженщины-полузмеи, дочери реки Днепр. По преданию скифов, которое записал Геродот, золотой плуг, ярмо, боевой топор и чаша – символы власти над земледельцами и воинами – упали с неба. Сыновья Таргитая хотели поднять эти предметы, но как только двое старших братьев приблизились к ним,

возгорелось пламя и заставило их отступить. Когда же вышел вперед самый младший брат, пламя улеглось. Тогда он взял эти символы власти и стал царем над племенем фалатов и народом сколов. Этот человек по имени Колак позднее разделил свое царство между своими троими сыновьями, и обычай делить боевые силы царства на три части сохранялся в течение веков, точно так же как и центром царства продолжал оставаться регион, простирающийся от нижнего течения Днепра до реки Токомак, притока реки Молочной.

Эта легенда, конечно, не более чем вариант иранского сказания об ореоле величия, который может снизойти только на праведного царя. Скифы также верили, что Таргитай жил за тысячу лет до 513 г. до н. э., то есть за много веков до того, как сами скифы достигли Днепра. Из-за этой легенды они располагали королевские могилы в пределах территории, которую связывали с Таргитаем, и продолжали молчаливо признавать право своих руководителей на власть, передаваемую по наследству, так как у них правитель был скорее царем, нежели вождем. Естественно, это привело к росту аристократии в этом регионе, а также вследствие этого выросло личное благосостояние царской семьи и семей знати. Об этом благосостоянии можно судить по захоронениям этого региона, так как царские могилы являются самыми богатыми из всех скифских захоронений. Они хранят в себе больше золотых и других драгоценных предметов, чем было найдено где-либо еще в евразийской степи.

Царские скифы были относительно немногочисленны, но они были такими умелыми правителями и такими бесстрашными воинами, что им не составляло труда управлять большой территорией и с легкостью контролировать население, состоявшее из их собственных земледельцев и из местных землепашцев, прочно пустивших корни в этих краях, которые значительно превосходили их числом. Несмотря на численное меньшинство, к VI в. до н. э., а возможно, и на сотню лет раньше, царские скифы уже прочно обосновались на этой территории, ограниченной Доном и Днепром, и практически держали под своим контролем степные просторы до Буга и плодородные земли в районе Полтавы. На этих землях они правили как деспоты. Человек, которому его владыка объявлял смертный приговор, умирал вместе со всеми своими родственниками мужского пола, так как существовал закон, по которому не должен был оставаться в живых ни один человек, который мог бы положить начало кровной мести. Более того, если царь вызывал неудовольствие своих телохранителей, они так же без колебаний казнили его. Так, царь Скил, будучи мужем гречанки, заплатил жизнью за свои проэллинские настроения, так как восхищение греческой культурой привело его к участию в празднествах в честь бога Диониса, которые устраивались в одном из понтийских городов этого региона. Его войско было сильно рассержено его действиями, которые оно посчитали изменой. Они ворвались в город и убили незадачливого царя, когда тот вышел из храма.

И все же большая часть скифской знати тяготела к греческой культуре. Ее восхищали произведения искусства, греческое мышление и религия, красота городской архитектуры, а членов царской фамилии больше всего привлекал греческий образ жизни. Царь Скил был одним из первых кочевников, кто завел себе дом. Он выбрал его в Ольвии и украсил фасад эффектными фигурами сфинксов и грифонов, к которым скифы питали особую любовь. Рядовые скифы, однако, упрямо оставались консерваторами и националистами, и хотя царские скифы были признанными покровителями многих понтийских городов, все же, хотели они того или нет, цари продолжали жить по традиции в стойбищах в окружении своих князей и конников, охотников и скота.

Скифскую аристократию с готовностью приняли как местные оседлые жители этого региона, так и скифы-скотоводы и скифы-земледельцы. Чиновники и мелкие вожди вели почти такой же образ жизни, как и царь и вожди племен, хотя и не с таким размахом. Для административных целей Царская Скифия, или собственно Скифия, была разделена на четыре региона, во главе которых стояли правители, назначенные царем. Помимо других обязанностей, правители должны были собирать назначенную дань с земледельцев сво-

его региона, а также с определенных понтийских городов, которые, подобно Ольвии, были обложены данью. Также им приходилось посещать ежегодные собрания воинов, на которых тот, кто убил своего первого врага, выпивал кровь своей жертвы в присутствии правителя и толпы завидующих и восхищающихся зрителей. Скифы действительно верили, что только таким способом они могут присоединить бесстрашие мертвого врага к своей собственной храбрости. У правителя были вооруженные отряды, которые получали жалованье, в отличие от телохранителей вождей. Эти были свободными скифами, избранными из числа своих соплеменников. Они не были получающими жалованье воинами, вместо этого им полагалась доля дневной добычи, однако после боя каждый воин должен был показать своему вождю отрезанную голову врага, так как только тогда он имел право на свою долю. В военное время войско, собранное со всех частей, на которые была тогда разделена страна, разбивалось на подразделения, у каждого из которых был свой военачальник. Раз в год они собирались у царя на пиру. Каждый человек, который либо убил своего врага на глазах у царя, либо выиграл суд в его присутствии, имел право на то, чтобы сохранить у себя череп своего мертвого противника. По словам Геродота, скифы часто скальпировали своих врагов, иногда делали салфетки из кожи и неизменно превращали черепа в кружки, оправляя их в золото или какой-нибудь другой ценный материал, и носили подвешенными у себя на поясе. Они использовали их, когда пили, давая клятву братской верности, или для скрепления принятой присяги, поднимая чашу, полную вина, смешанного с кровью, в которую сначала окунали конец своего меча.

Рис. 3. Фрагмент находки из Курджипского кургана на Кубани с изображением двух скифских воинов. У одного из них в руке отрезанная вражеская голова. IV–III вв. до н. э., длина – около 7,5 дюйма

Геродот ссылается на группу мятежных скифов, которая откололась от основного племени и мигрировала на северо-запад от озера Балхаш, поселившись в регионе, который он называл Сакия. Кажется вероятным, что горстки других независимо мыслящих скифов существовали и еще где-то на территории степи. Возможно даже, что это были раскольники, похожие на тех, что проникли в Пруссию, дав таким образом объяснение таким одиночным захоронениям воинов, какое было обнаружено в Феттерсфельде. Хотя большинство скифских поселений на Балканах следует, вероятно, рассматривать скорее как аванпосты, специально основанные царскими скифами, нежели как одиночные проникновения в глубь чужой территории вроде Феттерсфельда, некоторые из более ранних скифских захоронений, расположенные сейчас на территории Венгрии, кажутся, с другой стороны, связанными с группами деятельных, предприимчивых скифов, постоянно и настойчиво продвигавшихся все дальше на запад. Ситуация выглядит несколько иначе с учетом дошедших до нас более поздних захоронений в Румынии и Болгарии, так как они, возможно, принадлежали небольшим группам скифов, которые покинули свои пастбища на юге России, пытаясь спастись от сарматов, неуклонно наступающих с востока. Все эти далеко оторвавшиеся от своих сородичей группы придерживались обычаев и верований своих предков и в значительной степени сохранили первоначальную чистоту их художественных традиций.

Глава 2 НАРОД

На первый взгляд жизнь одного человека в племени может легко прельстить стороннего наблюдателя кажущейся свободой от забот и ответственности. Это, однако, не более чем поверхностное впечатление, ибо беспечный характер кочевника является удачным следствием строго определенных требований, предъявляемых к нему. После некоторых размышлений становится очевидным, что кочевникам приходится подчиняться не менее суровой дисциплине, чем та, которая регулирует жизнь оседлых общин, хоть это и своя особая дисциплина.

Преуспевание кочевника, если не сама его жизнь, тесно связано с его умением удовлетворять свои потребности, а благосостояние племени в целом – а следовательно, его продуктивность и жизнеспособность – зависит от легкости, с которой они удовлетворяются, и в еще большей степени – от организаторского дара и дальновидности вождя племени, а также от того, насколько быстро и охотно рядовые члены племени откликаются на его приказания. Удачливый вождь – это очень проницательный человек, умеющий управлять людьми и строить планы на будущее, и одновременно авантюрист, способный мастерски принимать быстрые решения. Община, вся жизнь которой проходит на лоне природы, не защищенная от жесточайших чередований погоды, всегда подверженная множеству опасностей, которые таятся в диком безлюдном краю, вынуждена полагаться только на себя и своего вождя. И всякий, кто наблюдал такую группу людей в движении, будь то бедуины из арабского мира, тюркские племена Центральной Азии или кочевники, бродившие по просторам дореволюционной России, быстро начинал понимать, что в таких условиях нет места людям неосторожным и безответственным. Даже пикник нужно продумать заранее, если вы хотите, чтобы он прошел успешно. Кочевой образ жизни требует значительно больших усилий от всех, кто его ведет, так как здесь равно необходимы приспособляемость и согласованность действий, чтобы ежедневный переход прошел успешно и быстро, обеспечивая гладкий и спокойный ход жизни, протекающей по такому же сложному образцу, какой существует и в любом оседлом обществе.

Большинство кочевников являются скотоводами и для получения пищи и одежды рассчитывают на свои стада. Хорошие пастбища, таким образом, становятся их первостепенной потребностью, самой предпосылкой их жизни, и поэтому все племя в целом всегда готово отстаивать свое право на обладание такими землями и, если понадобится, защищать их. Обычно пастбища не захватываются случайно в результате какой-то сезонной стычки, не приобретаются в ежегодной борьбе, а традиционно связаны с конкретными племенами. Причем границы их территорий обозначены четко, и их право собственности известно так же точно, как и границы пахотных земель среди сельскохозяйственных общин. В результате племя часто проводит годы в одном и том же регионе, перебираясь с одних и тех же зимних пастбищ на одни и те же летние луга, как это делали их предки из поколения в поколение до этого.

Затем какая-нибудь непредвиденная перемена: климатическое бедствие вроде эрозии почвы, или засухи, или акт агрессии со стороны соседей – лишает племя его привычной территории. В последующей борьбе за выживание лишена своих владений и часто голодающая группа людей уходит иногда для того, чтобы найти новые бесхозные земли, но чаще – чтобы завоевать их в борьбе с другим, желательнее более слабым, племенем.

Сезонные миграции евразийских племен диктовались потребностью в траве, так как летом высохшая растительность азиатской части степи приводила племена на невысокие

горные склоны, которые становились плодородными благодаря сильным ливням. Однако осенью из-за резких холодов растительность на большей высоте погибала, и племена снова возвращались на равнину, которая к тому времени снова была покрыта зеленью. На юге России ровная в основном поверхность степи, отсутствие резких скачков температуры и малое количество населения дали кочевникам возможность располагать здесь свои стойбища на длительные сроки, но в очень неблагоприятные зимы и лета многие кочевники имели склонность перемещаться к руслам рек, где до воды было рукой подать. Сравнительно легкая жизнь в европейской части степи привлекала сюда азиатских кочевников, которые слишком часто посягали на южную и западную территории степи с более мягким климатом. Их вторжения зачастую были не более чем быстрые налеты на соседние земли, но бывало иногда, что более сильное племя вторгалось с намерением добыть себе опорный пункт на более плодородной территории, и часто ему удавалось вытеснить оттуда более слабую общину. Если эта операция завершалась для налетчиков победой, большинство побежденных предавались смерти, а немногие оставшиеся в живых становились рабами. От них, помимо службы своим завоевателям, требовалось, чтобы они приняли обычаи и верования своих хозяев, но они часто умудрялись придерживаться своих собственных традиций с таким упорством, что в конечном итоге определенные черты их собственной культуры сохранились и смешались с культурой завоевателей. В результате смешанное мировоззрение постепенно стали разделять потомки и тех и других, пока они в свою очередь не были уничтожены или ассимилированы новой волной захватчиков. Из-за этого отчасти так трудно точно установить расовые связи, существовавшие среди племен евразийской степи, или даже определить тот вклад, который внесло каждое из них в формирование так называемого «звериного» стиля в искусстве, ассоциируемого со скифами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.